

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

УДК 930.1

ПАМЯТЬ В КОНТЕКСТЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ПОСТИСТОРИИ

О.М. Ростовская

УО «ВГТУ», г. Витебск, Республика Беларусь

История – продукт всеобщего рефлексивного действия, источник социальной памяти и ее создатель. Имея определенный смысловой и временной стержень, история устойчива, но, стирая его, мы получаем хаос кодов, знаков, смыслов, времен, событий, мы словно разбиваем глобальный сосуд исторической жизни на миллиарды кусочков.

Каждая историческая эпоха (соотнесенная с конкретным временем и пространством и, конечно же, имеющая определенное культурно-историческое значение в этом времени и пространстве и за его пределами) создает свою уникальную атмосферу, которая наполнена или предчувствием возрождения, или кризисным настроением. Она есть современность, по отношению к которой прошлое – лишь отпечаток современности, а будущее – лишь ее идея. И поэтому современность – это определяющий фактор воссоздания прошлого, это «не просто эмбриональная среда, в которой развивается историческая мысль, но и своеобразный инструмент, направляющий проблематику исследований, воздействующий на их основные выводы и оценки» [1, с. 128].

На сегодняшний день очевидно, что история в постмодернистском контексте превратилась в постисторию, характеризующуюся новым видением социально-исторических процессов, отказом от линейной концепции развития, масштабным прогрессивным поворотом к демократизму, антропоцентризму, к углубленному междисциплинарному исследованию объекта на микроуровне и расширению изучаемого пространства.

В русле этих тенденций развивается культурная история. Приверженная методологической и концептуальной эклектике, она постепенно усвоила подходы из социальной и культурной антропологии, психоанализа, исторической психологии, социолингвистики, семиотики. Появление категории «гендер» позволило изучать взаимодействие полов и их культурные взаимосвязи в историческом контексте. Вследствие этого постоянно расширяющаяся предметная область культурной истории включила исследование проблем взаимодействия культур, развития культур во времени и передачи их этно-исторической специфики от поколения к поколению, повседневного поведения, истории карнавалов, праздников, церемоний, обрядов, коллективных представлений и различных стилей мышления. Опыт людей, «незаметных в истории», стал центральным, проступая через повседневность, символичность, традиции.

Новые культурно-исторические исследования на микроуровне акцентировали внимание прежде всего на том, как люди прошлого воспринимали реальность, в которой протекала их обыденная жизнь, в которой проявлялся менталитет их народа, привычки, нравы, поведение. Так перед историками открылись новые сюжеты прошлого через повседневный личный опыт обычного человека, ведь повседневность – это «отражение массового сознания людей и их традиционные представления», это «одна из наиболее устойчивых форм общественного развития» [1, с. 246-247]. В этом – значимость и глубина прошлого, так как в зеркальном отражении конкретных жизненных обстоятельств можно увидеть гораздо больше человеческого. Сама история тогда как бы оживает, пропитывается духом эпохи и предстает как эмоционально окрашенная, иллюстрированная (и от того более увлекательная, более понятная) историческая реальность или представление о ней.

Обращение к новым источникам (дневники, письма, частная переписка, мемуары, фотографии), пересмотр старых, уже изученных источников с других позиций, позволили «культурным историкам» поднять огромный пласт ранее неизвестной или неважной информации. Так появился целый ряд новых тем и проблем, актуальных для постистории XXI века, ведь все – от символики семейной обрядности, религиозных верований, мировосприятия, норм поведения и стереотипов мышления до питания, телесности, половых отношений, семьи, родов – перечень аспектов народной жизни, на фоне которой разворачивается глобальная история, сложная система политико-идеологических и социально-экономических отношений.

Таким образом, смена ориентиров, произошедшая в исторической науке в результате острых дискуссий 1980-х гг. и получившая название «антропологического поворота», породила то, что с конца 1980-х годов стало известно как «новая культурная история».

Согласно П.Берку, в настоящее время новая культурная история является преобладающей формой культурной истории, а по мнению некоторых исследователей, и истории как таковой. Отличаясь от интеллектуальной и социальной истории, следуя новой парадигме, она заложила основу новой исследовательской традиции [2].

В русле новой культурной истории развивается множество интересных направлений: культурная история городов, история практик (религиозных, речевых, научных, коллекционирования, чтения, письма и др.), история путешествий, история репрезентаций, история телесности (телесной чистоплотности, танцев, тренировки, татуировки и жестикологии и т.д.), исследования по материальной культуре (история еды, одежды, жилья, обстановки), история памяти.

Тема памяти на сегодняшний день считается одной из наиболее актуальных. Специфика ее в том, что она многогранна и затрагивает важнейшие сферы человеческого проявления (личностная и социальная, политическая и идеологическая). Изучение памяти в том или ином аспекте требует привлечения знаний из разных областей: психологии, антропологии, этнографии, истории, культурологии, социологии, политологии, философии, что указывает на ее междисциплинарность.

Проблема памяти (в том числе и исторической памяти) уже изначально имеет антропологический характер, поэтому ее изучение в рамках исторической науки происходит в контексте ряда других антропологических проблем.

Память, как одна из психических функций человека, предназначена прежде всего сохранять, накапливать и воспроизводить информацию. Составляющими компонентами памяти, субъективным отражением работы различных ее систем и процессов являются воспоминание и знание. Воспоминание «относится к глубоко личному переживанию прошлого – такому, в котором мы как будто воссоздаем прежние события и впечатления, «оживляя» их во внутреннем плане. «Воспоминание» влечет за собой мысленное «путешествие во времени». Знание относится к другому способу переживания прошлого, «при котором мы осознаем имеющиеся у нас знания, но более безличным образом» [3, с. 69]. Если в основе воспоминания лежит некий значимый образ и, будь то событие или ситуация, человек или предмет – это конкретный образ, индивидуально и социально обусловленный, имеющий место в прошлом, то знание – это, прежде всего, информация, зафиксированная в сознании, а значит востребованная в определенный момент и полученная извне, трансформированная в опыт и отложенная в памяти. Таким образом, память человека имеет образно-информативный и личностно-социальный характер.

Социолог М.Хальбвакс, рассуждая об индивидуальной и коллективной памяти, выдвигает в качестве основополагающего тезиса о социальной обусловленности памяти. Ученый считает, что вне социального контекста «невозможно складывание и сохранение индивидуальной памяти» (цит. по [4, с. 36]). Она сконцентрирована в каждой личности благодаря ее участию в процессах коммуникации, вовлеченности в разнообразные социальные группы. И хотя «субъектом памяти и воспоминания всегда остается отдельный человек, он зависим от «рамки», организующих его память» (цит. по [4, с.37]). Эти «рамки» задаются обществом, социально-политическим, экономическим и культурным развитием, которые формируют сознание и поведение человека, его отношение к прошлому и настоящему, к себе и окружающим людям. Коллектив и коллективная память обуславливают память своих членов. Однако, объявив индивидуальную память социальным феноменом, зависимым от коллектива, М.Хальбвакс указывает, что она «индивидуальна в смысле уникальной в каждом случае комбинации коллективных воспоминаний» (цит. по [4, с. 38]).

Значимое отличие индивидуальной и коллективной памяти проявляется и в том, что последняя формирует основу знаний и опыта, некий «понятийный фундамент», помогающий адаптироваться в обществе, но она часто наполнена противоречиями, расхождениями позиций, стереотипами, мифами и ярлыками. В то же время персональная память имеет четко выраженный образный, индивидуально-символический характер.

Согласно М.Хальбваксу, когда понятие и образ неразрывно сливаются в памяти, возникает то, что называется «фигурами воспоминания». Их специфика определяется тремя признаками: отнесенностью к конкретному времени и пространству, отнесенностью к конкретной группе и воссозданием как специфическим для них способом действия [4, с. 39]. Фигуры воспоминания всегда «воплощены в определенном пространстве и актуализированы в определенном времени» (цит. по [4, с. 39]), они предстают как своего рода образцы, примеры, формируют внутренний опыт и выстраивают преемственность развития. Также существуют «рамки памяти», которые определяют принадлежность индивида к конкретному месту, времени, общности. Таким образом, идентификационная конкретность, присущая памяти, показывает непосредственную связь индивида с

группой и осознание им своей прямой или опосредованной принадлежности к определенным группам. Еще один признак коллективной памяти, выделяемый М.Хальбваксом, – ее воссоздающий характер. Это означает, что прошлое – это то, что «общество в ту или иную эпоху способно воссоздать в своих нынешних референциальных рамках» [4, с. 42]. Получается, что индивидуальная и коллективная память, опосредованная временем, пространством и групповой идентичностью, воссоздает прошлое, давая ему жизнь в контексте настоящего, и при этом находится как бы между прошлым и настоящим. В таком разрезе существует и историческая память, которая представляется нам определенным образом сфокусированным сознанием, вмещающим в себя совокупность знаний и переживаний, отражающих наиболее важную, актуальную, конкретизированную информацию об общем прошлом.

М.Хальбвакс отмечает, что существуют основания различать две памяти: внутреннюю или личную (точнее, автобиографическую) память и внешнюю или социальную (точнее, историческую) память. Личная память, ограниченная узкими пространственными и временными рамками, опирается на прожитую историю и целиком принадлежит индивиду. Историческая память шире и представляет прошлое в сокращенной и схематичной форме [5]. Имея ввиду национальную историю и историческую память, М.Хальбвакс говорит о том, что «обычно нация слишком далека от индивида, чтобы он считал историю своей страны чем-либо кроме очень широкой рамки, с которой его личная история соприкасается лишь в очень немногих точках» [5]. Кроме того, между индивидом и нацией существует много других групп и каждый человек одновременно или по очереди «погружается в несколько разных групп», а внутри каждой группы развиваются «оригинальные коллективные памяти». Исходя из этого М.Хальбвакс делает вывод, что «коллективная память не совпадает с историей и что выражение «историческая память» выбрано не очень удачно». История – это скорее «универсальная память человеческого рода», которой не существует [5].

С точки зрения исследователя, до тех пор, «пока воспоминание продолжает существовать, нет необходимости фиксировать его письменно, да и вообще как-либо фиксировать», следовательно, «история обычно начинается в тот момент, когда заканчивается традиция, когда затухает или распадается социальная память». Очевидно, что такая история нарушает связь между «обществом, читающим эту историю, и группами, прежде бывшими свидетелями или участниками тех событий, о которых в ней рассказывается» [5].

Позволим себе не согласиться с этими утверждениями, учитывая то, что на протяжении второй половины XX века произошли значительные изменения и поставлены новые приоритеты и в общественном развитии, и в исторической науке (о некоторых упоминалось в первой части статьи). Современная история – это история о прошлом в настоящем контексте, это сосредоточие разных уровней и направлений, плюральное осмысления исторической реальности через призму возможной множественности. Следствием «антропологического» и «лингвистического» поворотов в исторической науке в 1970-1980-е годы стали такие новые исторические субдисциплины, как «культурная история» и история повседневности, женская история и гендерная история, устная история («oral history»), демографическая история и экологическая история, «новая интеллектуальная история» («социальная история идей»), психоистория и т.д. Важным достижением «постмодернистской парадигмы» стала проблематизация исторического субъекта, а также разработка и применение новых методов исследования исторического прошлого, развивающихся на стыке различных научных дисциплин (количественные и социально-психологические методы, микроанализ и гендерный подход, интервьюирование и т.д.). Сегодня история понимается как особая конструкция, содержащая множество скрытых смыслов и интерпретаций, как совокупность исторических дискурсов.

1990-е годы отмечены поиском новой исследовательской парадигмы, способной преодолеть ощущение кризиса, вызванное, по мнению П.Ю.Уварова, дроблением истории на отдельные сюжеты [6, с. 62]. Так, Л.П.Репина в своих многочисленных работах рассматривает проблему исторического синтеза как важнейшую парадигмальную задачу и делает акцент на «новой социальной истории», «интегрирующей предшествующие модели исторического познания социокультурной истории» [7, с. 7], вписывая женские и гендерные исследования как приоритетные. Таким образом, вырисовываются контуры новой парадигмы, выступающей в облике гендерно-ориентированной социокультурной истории.

Необходимо отметить еще одну важную черту постсовременности. Мы обитаем в непрекращающемся настоящем, которое незаметно переходит из прошлого в будущее. Мы являемся свидетелями процесса глобализации, стирания границ (в том числе и временных), когда настоящее

растягивается во времени и уже практически не ощущается, будучи настолько подвижным и перенасыщенным «событийностью», что уже не приходится сравнивать его с шелковой нитью, сплетающей историческое время из прошлого, которое было и запечатлелось в памяти, и будущего, освещенного верой в его неперменное наступление. Настоящее сегодня растворяет в себе прошлое и будущее, теряясь в суетном водовороте современности.

Все выше сказанное указывает на то, что современная историческая наука уже не дожидается того момента, когда «затухнет» (по определению М.Хальбвакса) коллективная память некой группы и закончится традиция. Наоборот, активизировалась тенденция запечатлеть память очевидцев тех или иных событий. В этом преуспела «устная история». Реконструируя картины исторических событий исходя из воспоминаний их участников и очевидцев, она обращается к уникальному источнику – живому человеку, который сам создает нарративы, сам интерпретирует и оценивает их. Коммуникация в ходе интервьюирования – это, с одной стороны, - получение «живой» информации, а с другой, - процесс идентификации. Так личная история становится социально значимой и позволяет самому рассказчику, а впоследствии, историку восстановить связь времен, понять и объяснить суть исторических событий и, возможно, пересмотреть общепринятое отношение к ним. Таким образом восстанавливается или же продолжается преемственность памяти индивидуальной, коллективной и социальной (исторической).

И так, из выше сказанного следует, что история и память больше не отделяются друг от друга пропастью времени, поглотившей остатки воспоминаний. Скорее наоборот, история рождается на той почве, которая еще хранит память и способна ее передать. Поэтому понятие «историческая память» можно считать вполне удачным для новой исторической науки.

Изложенная выше проблема – она из многих, которые еще предстоит решить. Память имеет множество ракурсов исследования, которые раскрывают ее влияние на то историческое пространство, в котором она существует в данный момент, на осмысление исторического прошлого и на футурологические прогнозы. Наряду с проблемой исторической памяти выступает не менее (а, возможно, и более) важная проблема исторической амнезии. Память и амнезия как социокультурные феномены, изучаемые в историческом контексте, являют собой интереснейшие (хотя весьма сложные) объекты исследования, рожденные в потоке направлений новой культурной истории.

Список использованных источников

1. Методологические проблемы истории: учебное пособие для студентов, магистрантов и аспирантов ист. и филос. специальностей учреждений, обеспечивающих получение высшего образования / В.Н. Сидорцов [и др.], под общ. ред. В.Н. Сидорцова. – Мн. : ТетраСистемс, 2006. – 352с.
2. Берк, Питер. Историческая антропология и новая культурная история / Питер Берк [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/ne5.html>. - Дата доступа: 25.03.2010
3. Еременко, В.И. Воспоминание и знание как функционально независимые мнемические явления / В.И. Еременко // Вопросы психологии. – 2006. - № 6. – С. 64-73.
4. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 368с.
5. Хальбвакс, Морис. Коллективная и историческая память / Морис Хальбвакс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>. - Дата доступа: 25.03.2010
6. Уваров, П.Ю. Франция XIV века: Опыт реконструкции по нотариальным актам / П.Ю.Уваров; Ин-т всеобщей истории. – М.: Наука, 2004. – 511с.
7. Мир Клио. Сборник статей в честь Лорины Петровны Репиной. – Том 1. Под общ. ред. А.Г.Суприянович. – М.: ИВИ РАН, 2007. – 472с.